

Мирозапет
1986, 2 июля

Юрий БОНДАРЬ

(МОСКВА)

Каждый из нас пишет историю любви и смерти. И самые серьезные из нас, мучаясь повторяющимися трагедиями человека, то и дело стирают пыль с забытых людьми истин — таков удел человекоклонников.

Говорят, что сейчас нет в литературе какого-либо абсолютного авторитета, и не потому, что она нища, сира и гола, а потому, что многие годы размывались и размываются критерии художественности и правды, и потому, что хрупкие имитаторы то и дело выдаются в родном отечестве и за границу за эталоны. В самом деле, не слишком ли беззаботно мы относимся к критике?

Чувство меры, спокойная умеренность, профессиональная честь, здравомыслие — предпосылка всех истин, всех оценок, и в первую очередь самоуважения.

Однако теоретическая критика порой становится и некоей литературной позой с оттенком модного кокетства всеразрушающей смелостью, и здесь проступают, как болезнь века, вспыльчивость и несдержанная бестактность, вызывающие крайнее сожаление.

В юбилейной статье о Достоевском один широко известный беллетрист, имя которого из уважения к его почтенному возрасту мне не хотелось бы называть, высказал о гении мировой культуры удивившее многих читателей умозаключение, которое привожу: «Его национальная ограниченность неизменно отталкивала меня, а необъяснимая ненависть к другим нациям внушила отвращение». После этой цитаты приходят на память бурные двадцатые годы и призыв к битве Достоевского, к суду над ним как над изменником. А что сегодня имеет в виду наш старейший беллетрист? И создается какое-то колючее неудобство, возникает чувство стыда, неловкости от этой резкой фразы уважаемого писателя, который словно бы забыл (что вполне возможно) романы Достоевского, многие его высказывания из «Дневника писателя», а суть их была недвусмысленной: лишь тот может называться русским, кто в братстве со всем миром, со всеми народами.

Что ж, поистине в лавровом венке всегда есть терновые иглы, жалающие даже мертвого. Вероятно, будь жив Достоевский, он остро почувствовал бы это незащищенное отвращение, но неизвестно, поднял бы он так зло и вызывающе брошенную ему полемическую перчатку. В добрые старые времена, как говорится, коли дело не закончилось бы дуэлью, то независимо от уровня таланта следовало бы тогда поклониться друг другу, играя в воспитанность, и выйти в разные двери, все-таки думая об одном-единственном на земле банальном сюжете, об одной-единственной банальной теме, которая называется жизнью и смертью, уравнивающей и гениев, и негениев беззащитностью после их ухода. Какая прозрачная классическая этика!

Современная литературная критика, и устная, и печатная, долгое время по разным причинам влчила жалкое существование, а сейчас устремилась не только к горячему утверждению правды, но и к тихим,

коварным шалостям, пропитанным сладким ядом нигилизма, сопровождаемым искусными брезгливыми гримасами в сторону нашей культуры. И без тени застенчивости со страниц, казалось бы, respectable журнала «Вопросы философии» озорник и философ Архипов с воинственной надменностью, равной невежеству, отказал русской и советской литературе в высокой мыслительной способности, отобрал, так сказать, разум, доказывая, что мыслительное качество было заимствовано из литературы немецкой, как бы облагораживая примитивную избирательность тулупной нашей словесности.

За последние же десять лет мы, испытывая невиданный натиск нестеснительных критических сил, с неподдельным любопытством читали и читаем статьи, в которых мыслящего писателя упрекают в отсутствии мысли, крепкого и тонкого стилиста — в неумении строить фразу, серьезного психолога — в непсихологичности и аполитичности и с интересом узнавали, что талант — это редкость, но узнавали и новых гениев, запоздало пришедших из тылов и поставленных в ряд с крупнейшими фронтовыми писателями, узнавали о том, что проза жалко погрязла в элитарности, изображая интеллигенцию, торшеры, неприлично красивых героинь, что изображать надо пролетариат войны, что думать герою недемократично, что факт — наивысший властитель художества, что пить коктейль возмутительно антинародно, что нашу бедную притомившуюся литературу не посетил величайший мифотворческий гений Маркеса, что миф, притча, натурализм — это поднебесного порядка искусство, а всякая иная «псевдофилософия» противопоставлена реальности, что нужна правда, а не правдоподобие, беллетризм, а не бытовизм. И сколько было исторических нравоучений, страдальческой иронии по поводу инородных статей или иных повестей и романов, вылезших из кассет банальных или групповых установлений!

И создается нелепое впечатление: кого-то хвалят, кого-то ругают, кому-то на что-то намекают, кого-то в чем-то подозревают, кого-то к чему-то призывают, но при этом кое-кто из критиков держит руки в карманах, где пальцы судорожно сложены в известную комбинацию, нацеленную в литературу, в читательские затылки и шеи.

Неужели критика — это способность раздраженного своеволия? Неужели художники и критики от века принадлежат к враждующим племенам? Или, может быть, кто-то дьявольски использует критику как средство для замутнения чистых источников? Что ж, сначала деформируется вкус, потом происходит распад художественного сознания. Нет, критика — не наука, не социальное доктринерство, не словесный вампир, не добродетельная пивка, необходимая для здоровья писателя, а это жанр литературный в квадрате, средство воспитания вкуса, то есть чувства правды и красоты. Сам же критик — это писатель «соединитель зонь», строитель мостов, законодатель мнений, с которым читатель вправе считаться или не считаться. Если писатель позорно и жалко флиртует с критикой, он признает свою слабость и свое поражение. Художник в конечном счете должен рассчитывать только на самого себя.

Кто из писателей оказал влияние на нашу эпоху? Здесь первое слово должно бы отдаваться критике.

Кто же из критиков оказал влияние на литературный процесс? Пожалуй, здесь ответ принадлежит писателям.

Пушкин, Достоевский, Некрасов, Александр Островский обязаны своим утверждением и известностью Белинскому, Добролюбову, Аполлону Григорьеву. Кто из серьезных современных писателей обязан своей славой серьезному критику? Кому? Какому критику? Каким критикам?